

Борис Борисович, как теперь называется ваша должность?

— Я остался художественным руководителем балета и добавила должность И.О. ректора Московской Академии хореографии.

— Есть ли у вас идеи реорганизации учебного процесса Академии? Довольны ли вы выпускаемыми последними годами и все ли там, на ваш взгляд, благополучно?

— Думаю, что проблемы есть. В этом году меньше проблем с девочками и больше с мальчиками. Московское училище всегда было сильно мужским составом. Интерес к профессии артист балета сейчас немного потерял, а у мальчиков в особенности. Время сумасшедшее, в котором главенствуют менее духовные и более материальные вещи. Поэтому ребята ищут профессию, которая давала бы им средству к существованию: они учатся в профессиональных спорт, туда, где есть хорошие деньги. Сейчас наша задача восстановить былую славу профессии, и видимо, надо что-то предпринимать. У меня есть свои мысли, как активизировать набор мальчиков. Кстати, эта проблема не только у нас, но и во всем мире, поверьте. Что касается школы, то не надо ничего изобретать, у нас такие давние традиции, даже все наши активные революции не смогли нас сломать, я имею в виду балетную сферу. У нас одна из самых лучших школ, на которой базируется весь балетный мир, она была, есть и будет. Поэтому главное, не терять то хорошее, что у нас есть.

— Предполагаете ли вы приглашать новых педагогов в училище?

— Педагогический состав надо обновлять. Многие уезжают на Запад, к сожалению, ушли из жизни прекрасная плеяда педагогов младших классов, которая была в период 50–60–70-х годов. Конечно, надо привлекать новые силы, искать интересных педагогов. Это очень сложно сегодня, несмотря на ГИТИС, на многие учебные заведения, которые выпускают педагогические кадры. В стенах хореографического училища тоже есть курсы, где обучают педагогов. Видимо, надо активизировать работу Академии в этом направлении. И все же настоящий педагог — это от Бога.

— Не считаете ли вы, что в этом сейчас главная проблема?

— Знаете, сложно сказать. Иногда не идет материал, педагог выпускает один, два блестящих выпускника, а потом пять-шесть лет ничего — природа не идет. Я всегда говорю — педагог делает ученика, а ученик делает педагога. Это обратная формула, идеальный вариант.

— Что вы скажете о нынешнем выпуске?

— Хорошая группа девочек, которые приносят большую пользу. Среди них есть потенциальные солистки, они хорошо выучены.

— Как вы намерены совмещать две должности?

— Идея эта не нова, в свое время Леонид Лавровский, Петр Русев, Ростислав Захаров также совмещали должности художников балета и художников школы. Просто идет возрождение традиций. Но, если откровенно, это очень сложно, так как времена меняются, меняются задачи. В театре на мне и новые работы, и текущий репертуар, и гастроли, и я еще преподаю. Образ жизни очень активный. Меня всегда интересовала педагогика, я был в курсе всего, что происходит в школе, бывал на всех экзаменах. Должен сказать, что трудно однозначно ответить на этот вопрос, я только заступаю на новый пост. В мои обязанности входит быть не только художественным руководителем, но еще и решать организационные, административные вопросы. И сейчас я должен понять, как это сочетать.

Большой театр. 2001. — БОРИС АКИМОВ: НЕВОЗМОЖНО ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ, НО БОЛЬШОЙ ТЕАТР ОБЯЗАН ПОКАЗЫВАТЬ НОВОЕ

— В чем первоочередная ваша задача как художника балета Большого театра?

— Держать труппу в высокой профессиональной форме. Для этого нужен активный балетный репертуар, нужно, чтобы, в первую очередь, шла вся классика и, конечно же, работы современных хореографов. Я думаю, что на таком высочайшем уровне нашу замечательную классику мало кто исполняет в мире. Задача в сохранение и совершенствование этого уровня.

— Многие артисты постоянно жалуются, что в сезон мало идет классических спектаклей. Исполнителей на одну роль больше, чем самих этих спектаклей.

— Эта проблема всегда была и есть и будет в Большом, где в труппе двести пятьдесят человек. Раньше было две сцены — Большого театра и Кремлевского Дворца Съездов, и каждый вечер мы имели по два балетных спектакля. Но даже и тогда был «голод» у солистов. Либо нужно приходило к системе мобильных западных трупп, самые большие из них по девятости человек, где все разложено по полочкам, все всегда в работе и в форме. Сейчас наши ведущие солисты, кроме работы в Большом театре, занимаются индивидуальной творческой деятельностью и часто уезжают на месяц, на два. Театр отпускает, идет навстречу, но кто-то должен танцевать. В этот период и, естественно, мы вводим новых исполнителей. Потом солисты приезжают и требуют репертуар (по контракту они должны танцевать не менее одного спектакля). Мы не можем сократить труппу, и процесс недовольства все время есть. Может быть, скоро появится сцена КДС, через сезон обещают Фингал — тогда будет проще. Те звезды, которые есть у нас сейчас, находясь в самом расцвете сил и они должны, безусловно, чаще появляться на сцене Большого театра, для того чтобы держать высокую планку.

— Как тогда быть с тем, что новоявленные премьеры будут теснить и без того расписанный по числам классический репертуар?

— Это заколдованный круг: все говорят: нет нового репертуара. Пресса подталкивает нас к Балайчнину, либо что-то еще предлагает сделать из уже исполняемого многими труппами репертуара. Я не сторонник постоянных возобновлений. Я не знаю, почему с нас все время требуют новых спектаклей. Может, этот сезон поработать именно над классикой. Ведь иногда не все, что мы берем в репертуар, однозначно хорошо. За последние шесть-семь лет были спектакли-однодневки, которые не прижились.

— Но вы собираетесь продолжать сотрудничество с Фондом Балайчнина?

— Да. Мы обговаривали эту ситуацию с представителями Фонда. Нам хотелось бы иметь одну-две программы из лучшего, что есть у Балайчнина. Чтобы ребята смогли попробовать свои силы в этой невероятной цепочке хореографии, к тому же им очень полезной.

— Это-то и обидно, что имея такой исполнительский потенциал, Большой театр уже давно не выпускал новой продукции мирового уровня.

— А какой театр сегодня выпускает продукцию мирового уровня? Хореографов старшего поколения в этой жизни осталось мало. Есть люди, мастерски сочиняющие что-то, но по большому счету, перед всеми западными театрами стоит та же большая проблема. Во всех театрах мира идут одинаковые программы Балайчнина. В Конент Гардене постоянно возобновляют спектакли Антона или Макмиллана. Но великого события в области хореографии, как это бывало раньше, нет. Лавровский — «Ромео и Джульетта», Захаров — «Бахчисарайский фонтан», «Золушка». Это были явления. Была эра Григоровича с его «Легендой о любви», «Каменным цветком», «Спартак». В Ленинграде появился Виноградов с его новыми работами, были еще и Бельский, и Боярчиков, и Елизарьев, позже — Эйфман, Брянцев. А сейчас существует общий застой, нет интересных идей. Зато сейчас можно все «сценить» по видеокассетам, как многие хореографы и делают. Иногда достаточно посмотреть несколько минут хореографического номера, и тебе ясно, откуда это взято. В какой-то степени потрясающая техника убивает человеческую мысль, так же как и педагогика. Мы обладаем колоссальной информацией, архивом, но это нас и убивает, вот в чем парадокс. У тебя есть двадцать записанных уроков, и тебе легко запомнить, а когда каждый урок выстрадан, когда ты выдумываешь, находишь свои комбинации, это другое дело. Это я говорю о педагоге, а хореограф не должен спать почками, выдумывать, строить фразы. Поэтому,

плод фантазии должен рождаться без всякой технологии.

— Являетесь ли вы сторонником разного типа спектаклей, и какие вы видите на нашей сцене?

— Думаю, нам ближе спектакли сюжетные. Наши танцовщики не просто танцовщики, а танцовщики-актеры, это наша природа. Чистый танец они тоже должны уметь исполнять, но основная линия театра — интересные полнотрагические спектакли, где в основу заложена драматургия.

— И Парижская Опера и Датский Королевский балет благополучно совмещают в своем репертуаре классический репертуар с современными постановками. Можно ли быть балету Большого заведомо не подходит такая политика из-за несоответствия этой традиции и ее уровню? Нет ли здесь противоречия? Если, к примеру, интересный постановочный спектакль, видите ли вы его работы на сцене Большого?

— Да. Для меня формула одна: основа нашего театра — мощный классический репертуар, но и все остальное должно присутствовать в хорошей пропорции. Но главное, имена хореографов и постановки должны соответствовать нашему уровню. Вот нас сейчас спрашивали, почему вы привезли в Лондон концертную программу, а не большие спектакли? Если нам предлагают сцену чуть меньше, мы можем привезти концертную программу, вопрос только в уровне и качестве. Я знаю, что многие наши танцовщики хотят танцевать модерн, но хотят не значить мочь, многие могут просто в силу своей природы. Но если ты не соответствуешь мировым образцам в этой области, то на сцене Большого театра этого лучше не делать. В западных театрах несколько иная организационная схема деятельности. Они выпускают «Спящую», она идет много раз, а через пять лет из нее снова делается премьера. Потом они делают современную постановку, делают за месяц, так как труппа очень мобильная, и она идет пятнадцать-двадцать вечеров. А у нас сегодня «Спящая», завтра «Баядерка», потом «Лебединое». Но на Западе ребята говорят, что танцевать пятнадцать «Спящих» подряд просто невозможно. Все отработано, как механизм, кордебалет работает четко. В общем, хорошо там, где нас нет. Я часто слышу, работа на Западе, как хорошо, что у нас нет контрактной системы. Вы спокойно работаете, а мы не знаем, что будет завтра, получим ли мы контракт. А наши говорят — у них «Спящая» идет блоками, и все смогут станцевать. Палка с двумя концами по многим вопросам. У них своя схема, у нас — своя.

— И все же, Борис Борисович, вы можете назвать конкретные имена, кто соответствует стилю Большого театра, его масштабу, тем критериям, о которых вы говорите?

— Я сейчас назову всех тех, кого называют все, даже надоедо. Это, например, сие активные работники и Форсайт, и Кириан, и Ноймайер, и Паче Дуато. Последний несколько спорен в прострастве Большого театра, но очень интересен сам по себе. Я давно слежу за его работами, они потрясающие.

— Можно ли уже рассчитывать, что в ближайшие годы вашего руководства какие-то из названных имен появятся на сцене Большого?

— Какое-то могут. Я не назвал того же Ролана Пети. Мы предложили ему сделать «Никому даму» для нас. Это должен быть экспозиционный спектакль для Большого театра, и называться он будет «Три карты». У меня были разговоры с Джоном Ноймайером, хотелось бы, чтобы он поставил на наших артистов что-то новое. Очень хорошие контакты с Алексеем Ратманским, и мы думаем, как сделать на нашей сцене тоже что-то совершенно новое. Для актера очень важно иметь роль «на себя», как это было в наше время. К сожалению, теперешнее поколение этого не получает, они танцуют репертуар и роли, которые уже были до них. Объявить необычайное невозможно, но Большой театр обязан показывать новое. Не часто, но иногда необходимо свернуть.

— Каждый ли рядовой спектакль вас устраивает по уровню исполнения?

— Порой бывают неприятные споры и разногласия с педагогами по поводу исполнения, критериев, касающихся конкретных партий или артистов. Сейчас я наблюдаю за всеми спектаклями: где-то нужно что-то подправить, что-то заменить. Иногда бывает стыдно за не-

полнение какой-то партии. Этот рабочий процесс все время должен происходить и, если кто-то недоволен и слава Богу. Замечательно, что нас всех это волнует и тревожит, а то порой мы бываем слишком добрыми, надо быть жестче.

— Бытует расхожее мнение, что классика — наша сила, и мол, что нас по правлять, мы и так все знаем.

— Что касается профессионального уровня труппы, я всегда открыто высказываю свое мнение. Это очень важно — открыто высказывать свое мнение по поводу работы артистов и спектаклей в целом.

— В целом гастроли в Лондоне были высоко оценены лондонскими критиками. Как вы думаете, почему московская критика говорит о каких-то недостатках в тех же спектаклях тех же исполнителей?

— Лондонские гастроли действительно прошли замечательно. Хотя при подготовке были большие проблемы. Пессимисты даже ждали какого-то провала. Но, к счастью, предварительные прогнозы на верхней сцене принесли много пользы. Все артисты были точно расставлены по амплуа, потому что было очень важно показать все программы на достойном уровне, поддержать авторитет Большого театра, ведь наши концертные группы во все времена имели колоссальный успех в Англии. А когда в Москве сегодня Мирту танцует одна, завтра — другая, то возникает сразу много вопросов и у критики, и у руководства. Гастроли — это концентрация той жизни, что происходит в Большом, и так было и будет. Другой вопрос, надо стремиться к тому, чтобы любой выход на свою сцену стал такой же концентрацией, а многие этого недопонимают, недооценивают важности идеального исполнения каждой партии, в которой они выходят.

— Расскажите о ближайших гастроллях?

— Только что мы съездили на несколько дней в Румынию, затем прошли концерты в Ханты-Мансийске, в июле — Киш, в декабре —

итальянские гастроли. На фестивале в Турине мы покажем три балета Чайковского «Щелкунчик», «Лебединое» и «Спящую красавицу». Дальше пойдут спектакли — возобновление «Легенды о любви», «Щелкунчик» предосторожности». Впервые на сцене Большого пойдет спектакль Фредерика Антона, где есть раздолье поактерить для наших танцовщиков, причем в разных амплуа. А потом начнется серия мощных гастролей — Америка, Япония, уже с большими спектаклями. Многие заинтересовались нашими концертными программами, они легко смотрятся, когда хорошо составлены. Даже японский импрессионист Сасаки, который планировал большие спектакли, посмотрев эту программу, сказал: «Я хочу концертную программу». И для нас это очень важно.

— Если артист Большого театра займет призовое место на нынешнем московском конкурсе, который проходит в эти дни, отразится ли это на его карьере?

— На конкурсе выступают наши солисты, конкурс для них очень важный жизненный момент. Надо проверить себя на бойцовский характер, а это не каждый может. Конечно, мы их посмотрим, и будем счастливы приобрести в их лице настоящих солистов.

— Подводя итог юбилейного сезона, чего, на ваш взгляд, сегодня недостает балету Большого театра, и что вы ему пожелаете на ближайшие десять лет.

— Если бы наш балет подкрепили мощной рекламой, то это нам бы только помогло. Ведь что касается профессионализма солистов, замечательного кордебалета — это наше все. У нас есть репертуар, мы будем его пополнять, изменять — это наша внутренняя кухня. Но поддержка со стороны очень важна. Потом надо продолжать поиск солистов, здесь нельзя останавливаться, а работать на опережение, ведь школа тоже не сразу их выдает. Проблемы кадров стоят перед всеми труппами мира. И, конечно, интересных хореографов, режиссеров, индивидуальностей от Бога, которые приносят в театр новую свежую струю и подпитывают актеров. Ведь в этом процессе все взаимосвязано. Не я первый это говорю. Мне кажется, творческая личность рождается в спокойствии. А сегодня, к сожалению, многое отключает и уводит от основного. Когда приходит спокойствие, тогда все и происходит.

Беседовала ВАРВАРА ВЯЗОВСКИНА

PS. 25 июля Борису Акимову исполнилось 55 лет. Поздравляем!